

Жажда зрелищ

Известия - 2000 - 13 янв. - 410.

Илья Глазунов — история успеха

Ольга КАБАНОВА

«И кровь твоя/ С последнего холста/ Незримо будет капать/ В наши души». Этим стихотворением Андрея Дементьева начинается книга Льва Колодного «Любовь и ненависть Ильи Глазунова» (издательство «Голос», 1998). «...Искра божья, замеченная у студента Ильи Глазунова сотрудником ЦК КПСС товарищем Рюриковым, о чем он заявил художникам на Старой площади в феврале 1957 года, разгорелась в негасимое полыхающее пламя». Этим пассажем книга завершается.

К апологетической биографии художника Глазунова, изложенной Львом Колодным со страстью, смело попирающей правила русского языка (когда страсть, не до грамматики), можно относиться по-разному. Кому-то чудовищная смесь из задушевной крови, искры божьей и ЦК КПСС покажется пошлостью, глупостью и гадостью, кто-то по простоте душевной прочтет эту патетическую трескотню с непосредственным сочувствием, а мне вот неуклюжий пафос книги кажется чрезвычайно смешным.

Можно цитировать «Любовь и ненависть Ильи Глазунова» только веселья ради: «...художник Глазунов по совокупности общественных отношений стоит в авангардном ряду среди самых знаменитых современников», «...журналисты, свободные от истины», «пишу, а в голове звучат аккорды главной темы знаменитой Пятой симфонии Бетховена, в прежние времена часто исполнявшейся по радио: та-та-та-та! Та-та-та-та! На эти звуки накладываются слова: Илья — боец! Илья — боец!». Хороша и прямая речь Глазунова: «Твои вопросы — ...это издевательство над русским художником, который всем несет Добро». Возмущаться этим возвышенным косноязычием невозможно, так же, как трудно сегодня гневаться на самого художника-добротворца, упорного противника злу своим великим искусством.

Меж тем фантастически льстивая книга по-своему правдива, и

цитировать ее можно не только в развлекательных, но и в познавательных целях. Она помогает понять, как именно художник Глазунов обрел свою беспрецедентную для художника популярность. При этом смело оставим за скобками слухи о его сотрудничестве с КГБ. Ведь даже если бы это сотрудничество и имело место, его одного для такого фантастического успеха было бы недостаточно. Глазунов — стратегический гений, дерзкий и смелый. Конечно, у него есть и определенное художественное дарование, но не в нем дело. Существует много художников талантливее Глазунова, но кто о них знает.

Счастье, как известно, лежит на проторенных путях. Успех легче всего достигается высокими связями и запредельной лезтвю. Молодому художнику, если верить книге Колодного, помогли многие. Среди первых верных и главных покровителей назван всегда приближенный к власти Сергей Михалков. Случалось, помогали и рядовые сотрудники ЦК КПСС, а также знакомые из круга привечаемой властями советской богемы, высокопоставленные и идеологически проверенные журналисты — вроде Василия Захарченко, автора книги «Наш Никита Сергеевич», Алексея Аджубея и главного редактора «Огонька» Анатолия Софронова, отдавшего Глазунову завидный заказ — иллюстрирование собраний сочинений русских классиков, выпущавшихся издательством «Огонька» огромными тиражами. Первую выставку в 1957 помог Глазунову открыть в ЦДРИ тогдашний заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ Лен Карпинский. Получается, что Глазунова патронировала элита советской системы: ведь система — это не бездушная машина, это живые люди, в сердцах которых лезтецу всегда отыщется место.

Глазунов спорю и неутомимо, словно нынешний арбатский поденщик, писал портреты всех, кто мог оказать покровительство или принести популярность: Индиры Ганди, Джинны Лоллобриджи, Федерико Феллини, Луки-

ВИКТОР АХЛОМОВ

Илья Глазунов среди почитателей своего таланта

но Висконти, певцов театра «Ла Скала», папы римского Иоанна Павла II, премьер-министра Лососа, президента Альенде, Брежневна, Косыгина, Суслова, Громыко, Мазурова, Гагарина, жены Вилли Брандта, матери Ельцина, мэра Собчака и жены мэра Собчака в образе «Незнакомки». Писал и людей помельче — Коржакова, например, Барсукова или управделами Бородина. Все были довольны, никто не предпочел ему официальных художников, никто не стремился остаться запечатленным кистью сурового реалиста.

Ни коммунисты, ни кинозвезды, ни демократы, ни короли не могли устоять перед соблазном иметь свой парадный портрет, да еще работы очень известного художника, да еще почти всегда бесплатно. Зарабатывал Глазунов в бедные молодые годы на портретах людей попроще. И до сих пор поминает, как пожадничала, не

заплатила ста рублей за портрет жена богатого и успешного в те времена драматурга Галича. Сильные же мира сего расплачивались покровительством, иногда, правда, тоже обманывали. Так, Собчак обещал помочь с квартирой и не помог. Зато Корвалан подарил пончо, а Суслов — часы.

На этой же протестительной человеческой слабости к своему улучшенному изображению составил себе славу и другой знаменитый в отечестве художник — Александр Шилор. Но этот мастер портретов, дивной красотой намного превосходящих натуру, уступает Илье Глазунову. Он специализируется только на Красоте, а Глазунов еще и на Правде. Уступает Илье Сергеевичу и обожаемый московским мэром и другими значительными лицами Зураб Церетели. Он, правда, во многих отношениях явно переиграл Глазунова: если в подчинении художника лично созданная академия

художеств, то у скульптора — Всероссийская. Художник реконструировал только Большой Кремлевский дворец, а скульптор изменил облик всего исторического центра столицы. И хотя чрезвычайно творческой плодовитостью и умением одарить ее результатами нужных людей она берется разительно схожи, любовь широких народных масс явно за Глазуновым.

Глазунов умел льстить не только сильным, но и малым мира сего. Его картины, со временем все больше небрежные по живописи, составлялись по клиповому принципу. Много-много всем известных и мало кому известных (эти интриговали) персонажей и образы составляли его огромные полотна. И каждому было ясно (художник точно указал), где Добро и где Зло.

Кроме друзей, у Глазунова были и враги. Реальные и идеологические. Среди вторых, например,

все художники-нереалисты прошлого во главе с отвратительным Малевичем, ненавистным Филоновым и преступником Сезанном. Среди реальных — искусствоведы и художники-современники. Одни по зависти долго не принимали Глазунова в Союз художников, вторые обходили вниманием. Глазунов искусствоведов не жалуется: «Искусствовед сейчас тот, кто все жрет: дали улитку — жрет. Дали котлету — жрет. А это как раз и есть смерть». Плохо, по Колодному, что искусствоведы о Глазунове не писали, плохо и то, что писали о нем.

В общем — то прогрессивно настроенные искусствоведы в 80-х годах как могли с глазуновщиной боролись. Поминаемая в книге статья В. Костина, А. Чегодаева и А. Якимовича и вышедшая вслед за ней статья Марии Чегодаевой совершенно справедливо указывали, что Глазунов «лидер массовой культуры, на знамени которого написано доходчивость, занимательность, доходчивость» (цитирую по книге Колодного). Говорили об опасности его националистической и профашистской идеологии. Но ведь ради этой иллюстрированной идеологии и шли на его выставки сотни тысяч людей.

Теперь с Глазуновым бороться смысла нет. Теперь в любви к монархии публично признаются многие. Лозунг «Россия для русских» овладел умами масс без всякого участия Ильи Сергеевича. Глазунов больше неопасен — он перестал быть властителем дум. Да, на его выставку, открытую в Манеже, по-прежнему идут люди. Но скорее по инерции, в память о его прошлых подвигах.

Настало время, когда обществу больше не требуется художник, который больше, чем художник. Идеология живет отдельно от искусства. И это очень хорошо. Как хорошо и то, что глазуновской популярности ни одному современному художнику сегодня не получить, хотя многие и занимаются провокацией и эпатажем. Но люди жаждут зрелищ — от идеологий и устрашающих проповедей в картинках они устали.